

ШАГИ

Флорентин Тригодин

«Флорентин Тригодин» – псевдоним. Действительное имя – Попов Александр Алексеевич. Родился 9 июля 1950 года в д. Черемхова в 70-ти км от Свердловска (Екатеринбурга). Армейскую службу проходил в Новосибирском полку ПВО, там впервые опубликовал стихотворение в газете «Патриот Родины» (1971). В 1979-м окончил философский факультет УрГУ (Свердловск), работал несколько лет в школе, а в основном – на производстве. Участвовал в «Поэтических марафонах» в Екатеринбурге в 2004-м и 2005-м годах, опубликован в данных альманахах. Пишет стихи и прозу (в разных жанрах).

Калым

Домики в горнозаводском посёлке стояли близко, локоть к локтю, как строй солдат, а народ жил разный, не одинаковый. Имя Михаил мне вполне по нраву, но этот Миша был личностью особенной: он любил фразёрствовать, подчинялся фразам сам и хотел подчинить им и тебя. Однажды Миша ехал из города с дядей Петей с соседней улицы. На вокзальной площади было объявлено об опоздании поезда, и дядя Петя озабоченно заговорил:

– Ну вот, вниманию предрасположено; отсутствие стыковки обстоятельств. Существенный отрезок!.. Будет слышен ропот, но как можно было скрывать?!

Так Миша влюбился во фразы, так проявилась родственность душ. Дядя Петя работал когда-то фрезеровщиком на

«Уралмаше», но страстно напивался всякими обкатанными выражениями с плакатов, из радио, на собраниях, и жизнь обретала дополнительный высокий смысл. Его дело продолжил Миша. Правда, у него это не бросалось так в глаза, но жизнью заметно руководило.

У Миши жена и две дочери, восемнадцати и двадцати лет. Когда он растил девочек, жизнь была наполнена впечатлениями и радостным ожиданием чего-то, но вот они выросли. Посуда всегда чистейше вымыта, полы, окна тоже. Ежедневно брыкала стиральная доска: видимо, девкам просто нравилась такая гимнастика.

Всё выглажено, заштопано, а с полатей, бывало, повисали красивые косы.

Когда два брата – тоже беда: старший идёт по молодецким застольям методом проб и ошибок и мотает попутно на ус, а младший без лишних терзаний копирует всё со старшего брата и часто скатывается к алкоголизму. А вот когда две сестры в семье, красота старшей быстро затмевается расцветающей красотой младшей сестры, которая быстрее и удачнее выскакивает замуж.

Мишу донимал парень, с начала улицы, ухаживаниями за его младшенькой Олей, черноокой, тонколицей и в то же время сияющей румянцем; одни тёмные волнистые волосы могли покорить мгновенно. И вот опять этот парень, Димка, торчит перед окнами. А в доме Ольга устроилась против окна распарывать ремки для шитья коверков.

– Чё, думаешь, отпущу? – заготовленно спросил отец, проходя мимо.

– Я просто работаю...

– Знаю я вашу работу и его работу. И материну, и мою... Вот! – отец показал дочери кукиш. – Он думает, тут таковские! Голыдба...

Раздался уверенный стук в ворота. Миша вышел во двор, но не бросился к воротам, а стал прохаживаться и размышлять: да, в их доме – порядок, аж до безобразия, а куда теперь всё это, постройки, инструмент, мотоцикл? Бог сына не дал...

– Не шоркайся там, Димка, не отдам я тебе Ольгу! Ни за какие деньги! Богатств мира не хватит!.. Ты хотя бы за старшей ухлестнул – я бы ещё подумал, а Ольгу – улыбнёшься!

– Дядь Миш, ну позови, мы через ворота поговорим...

– Через мой труп поговорите!!! Димка, по одежке протягивай ножки... Ты чё, ослеп? Так полномочия превышать... и политическую близорукость навязывать...

– А за кого ты её выдавать будешь?

– Не выдавать, а вручать в руки! Ты там со сватом, что ли? Кто хоть сват-то? Эх, табуны у ворот, табуны... Вот дожил! – Да каждому по потребностям!..

На улице между тем искали выход из положения. «Он ведь должен пить, – предположил сват. – Ты надоедай дальше, а я за пол-литром сбегая».

– Хм! – озадачился жених. – За одну бутылку целую девку?..

– Насчёт целой ничего не скажу, но ты не дурак ли, Димка? – поучал сват. – В бутылке – в ней и стадо баранов и мешок налички, – короче, любой калым!

– Чё это вы там замолчали, бродяги? – спросил заботливый отец.

– Димка разревелся – успокаиваю. Сейчас, дядя Миша, слёзы ему вытру, продолжит...

– Не открою и не позову! Пусть идёт домой дальше ревёт. Ольгу, главное дело!..

Но тут под воротами показалось горлышко бутылки.

– Чё это у вас там уже выпало? У которого?..

– Дядь Миш, давай выпьем с горя!..

Девки наблюдали за освещённым лампочкой двором через окошко, но вот отец с Димкой направились в дом, и дочери зашли за занавеску на кухню. Мать, то есть жена Михаила, молча, вершила домашние дела, никогда не обращая на смешные демарши мужа особого внимания: жизнь такова, что утро наступает вовсе не потому, что прокукарекал петух. Она поставила на стол закуску и два стакана.

– Не надо, Димка, мне полнее лить, наливай поровну...

Выпили. Оба оглянулись на занавеску, за которой стояли невесты.

– Ольга, а ну-ка подь сюда!

Ольга подошла из-за занавески к столу, и отец ласково шлёпнул её по заднице.

– Вот, Димка, получай машину! – презентовал дочь захмелевший отец. – Смотри, какой задний мост, а буфера!..

– Папа!!! – остановила дочь, повернувшись уходить.

– Не моё уж всё это, – отмахнулся отец, – вот, Димкино. Отдаю! Безвозмездно! В порядке шефской помощи! Миру – мир!..

– Разотдавался! – проворчала с кухни жена.

А Димка с Ольгой уже одевались у выхода. Отец допил из своего стакана, взял Димкин:

– Ладно, за сына будет! А то ни молотка, ни топора не услышишь во дворе: всё сам, сам... Сам с усам! Ну уж я им!

Михаил сжал кулак и воинственно вздымал его над столом, пока жена не потащила его к ступенькам на печь. Старшая дочь с заметным брюшком подошла к столу, грызнула огурец, выплюнула:

– Мам, я убираю?..